

«Безбилетники» либерального порядка: повестка международного развития и символические политики восходящих держав

А.В. Макарычева, Н.Ю. Силаев, И.В. Данилин, А.Д. Чеков, Э.П. Шавлай, С.А. Столярова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Запад обеспокоен кризисом либерального глобального порядка и связывает этот кризис с политикой восходящих центров силы: Китая, Индии, России. В какой мере верен этот тезис? Опираясь на теорию социальной идентичности, авторы анализируют подходы восходящих держав к вопросам международного развития в категориях статусной динамики. Мы рассматриваем три сюжета. Первый – это полемика о повестке развития ООН, в которой проявились противоречия между западными и не-западными подходами. Второй – это сдвиги, которые произошли в последние десятилетия в составе доноров и реципиентов международной помощи. Третий – это научно-технические дискурсы восходящих держав в связи с их самопрезентациями на оси «отсталость – развитость». Наш ключевой вывод состоит в том, что кризис либерального порядка – как системы институтов, созданной Соединёнными Штатами и их союзниками после Второй мировой войны – проявляется в нарушении символического обмена между «развитыми» и «развивающимися» странами. Восходящие державы отказывают Западу в признании за ним статуса наиболее авторитетной инстанции политических оценок и лидера, определяющего направление международного развития. Наряду с этим они сами стремятся обрести статус лидеров развития, используя для этого, во-первых, собственные программы международной помощи (покровительство «отстающим»), а во-вторых, свои научно-технические программы. Однако символический вызов либеральному порядку со стороны восходящих держав не отличается единодушием и последовательностью. Если Россия в своей символической политике стремится обрести статус «развитого не-Запада» (по сути, воспроизводя самопрезентацию Советского Союза), то Индия и Китай, хотя и в разной мере, удерживают сразу две позиции: развитых, растущих индустриальных держав и развивающихся стран, принимающих помощь со стороны самых благополучных членов международного сообщества. Готовность ряда восходящих держав пользоваться ресурсами Запада и возможностями созданного им международного порядка, одновременно отказывая ему в признании его высокого статуса, и приводит к нарушению символического обмена. Таким образом, в области символического обмена воспроизводится «проблема безбилетника», сформулированная в экономической теории: восходящие державы пользуются благами созданного Западом глобального

УДК: 327.5

Поступила: 11.10.2019 г.

Принята к публикации: 10.12.2019 г.

порядка, не признавая за ним статус, на который тот рассчитывает, и отказываясь поддерживать символическую иерархию, которую тот видит основой данного глобального порядка.

Ключевые слова: восходящие державы, альтернатива либеральному порядку, «большие вызовы», кризис международного порядка, повестка глобального развития, международная помощь, глобальное управление.

Подрывают ли восходящие державы¹ глобальный порядок? До недавнего времени их рост описывался в категориях глобализации: растущие центры силы рассматривались как часть организованной, структурированной и поддерживаемой Западом системы международных институтов, пользовались благами и преимуществами, которые эта система предоставляла, и признавали при этом гегемонию Запада (Patrick 2010: 44-53) Однако в последние годы тон дискуссии стал постепенно меняться: Китай, Индию и другие растущие державы всё чаще оценивают не как благодарных бенефициаров глобализации, а как силу, которая меняет сложившийся ранее глобальный порядок, предусматривающий лидерство Запада.

Но в чём состоит вызов? Учреждение G20 выглядело не как завоевание новыми державами позиций в системе глобального управления, а как мягкая консенсусная реформа, тем более она не отменила объединяющую Запад G7. Международные экономические институты, вроде созданного Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, не обрели пока влияния, сопоставимого с тем, каким пользуются МВФ или Всемирный банк. Нет признаков политической консолидации незападных держав, хотя бы отчасти сопоставимой с таким альянсом как НАТО. США и Китай ведут торговые войны, но пока удерживаются от того, чтобы наносить друг другу действительно серьёзный ущерб.

Кризис либерального порядка

Разделяемого определения либерального мирового порядка у исследователей нет. Дж. Айкенберри характеризует его как совокупность ряда принципов в различных, периодически меняющихся комбинациях: свободный рынок, международные организации, коллективная безопасность, демократическое общество, верховенство права и др. Он выделяет несколько версий или моделей этого либерального порядка. (Ikenberry 2009: 71-87) Определения других иссле-

¹ Спор насчёт того, относить ли Россию к восходящим или переживающим закат державам, идёт довольно долго и едва ли будет разрешён в скором времени. Но поместить её в один ряд с Китаем и Индией в данном случае можно хотя бы на основании того, что она признана всеми в качестве одного из главных оппонентов глобального либерального порядка.

дователей носят не столь всеобъемлющий характер и сводятся к тому, что либеральный порядок – это, прежде всего, либеральная демократия, капитализм, открытая торговля. А международные организации выступают в качестве столпов этого порядка, поддерживающих его (Flockhart 2014). Успешное глобальное управление очень часто ассоциируется с существованием либерального мирового порядка (Ikenberry 2011: 56-68).²

В рамках данной статьи мы будем придерживаться следующего определения либерального мирового порядка: это та совокупность международных организаций и институтов, которая была создана США и их союзниками – Великобританией и континентальной Европой, – после Второй мировой войны (Flockhart 2014: 4; Ikenberry 2011: 56). Настоящее определение является наиболее универсальным, признаваемым многими авторами, и позволяет отразить значимые для настоящего исследования характеристики данного порядка, в том числе роль США в его структурировании, их доминирующее положение в рамках этого порядка, которое восходящие державы якобы стремятся оспорить.

За последние годы тезис о разворачивающемся кризисе либерального мирового порядка стал мейнстримом, если не общим местом (Varma, Ratner, Weber 2013: 56-57). У западных исследователей (да и политиков) это вызывает беспокойство: они убеждены, что именно благодаря этому порядку обеспечиваются мир и стабильность на глобальном уровне. В этой связи внимание стало уделяться не самой констатации кризиса, а более детальному изучению его причин, особенностей и последствий (Duncombe, Dunne 2018: 25-42).

Дж. Миршаймер исходит из того, что либеральный мировой порядок может существовать только в однополярном мире, возглавляемым либерально-демократическим государством (Mearsheimer 2019: 7-50). А нынешний мировой порядок назвать однополярным уже довольно сложно. Дж. Айкенберри более оптимистичен. Он связывает кризис либерального миропорядка с политическими ошибками американских администраций, особенно Дж. Буша-младшего, включая стратегию «войны с террором», вторжение в Ирак и др. Эпоха лидерства США начинает постепенно проходить, происходит поворот к многополярности, а также возникают конкурентные, не либеральные проекты создания миропорядка (Ikenberry 2011: 11-14). С этой точки зрения, кризис будет устранён, если Соединённые Штаты не будут допускать прежних ошибок. По другому мнению, кризис либерального мирового порядка связан даже не с Дж. Бушем-младшим, а с Дональдом Трампом (Stokes 2018: 133-150); примером здесь служит выход из международных соглашений, инициированный нынешним президентом США (Kaufman 2017: 251-266; Dombrowski, Reich 2017: 1013-1037).³

² См., например, Nossel S. The World's Rising Powers Have Fallen. *Foreign Policy*. 2016, July 6. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/07/06/brics-brazil-india-russia-china-south-africa-economics-recession/> (accessed: 12.11.2019).

³ См. также: Patrick M. 2017. Stewart An Open World Is in the Balance. What Might Replace the Liberal Order? *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/blog/open-world-balance-what-might-replace-liberal-order> (accessed: 12.11.2019).

Тема кризиса либерального порядка тесно связана с обсуждением роли восходящих держав в международной политике. Ещё в 2008 г. Ф. Закария в своей книге «Постамериканский мир» указал на то, что в то время как США продолжают доминировать в военно-политической сфере, такие государства как Индия и Китай становятся конкурентоспособными игроками во многих других областях (Zakaria 2008). Майкл Цюрн говорит о том, что происходят стремительные изменения в распределении власти между государствами. Роль восходящих держав в глобальной экономике значительно возросла, в этой связи они стремятся преобразовать рыночный потенциал в своё влияние в рамках международных организаций (Stephen, Zürn 2019). Некоторые исследователи считают, что для восходящих держав, которые хотят отстаивать свои собственные интересы, либеральный порядок едва ли приемлем (Acharya 2017: 271-272; Nye 2017: 10). Меттью Стефен отмечает, что восходящие державы обладают экономикой с более высокой долей государственного участия, в связи с чем не могут быть полностью интегрированы в транснациональные капиталистические структуры (Stephen 2014: 912-938).

В связи с этим многие исследователи полагают, что в мире происходит поляризация и формирование двух соперничающих лагерей. Один лагерь представляют западные либеральные государства, другой – «опасные авторитарные государства», прежде всего, Китай и Россия. С появлением новых восходящих государств клуб великих держав становится крайне неоднородным (Stephen 2017: 483-484), это затрудняет принятие решений в рамках крупных международных организаций (Lesage 2015). Подъём новых игроков способствует росту конкуренции и конфликтности в международной системе и подрывает возможности для глобального сотрудничества. Угрозу роста конфликтности в международной политике – вплоть до возможности крупного международного конфликта – в связи с вызовом либеральному мировому порядку со стороны восходящих держав обсуждают Т. Рис и Р. Швеллер (Ries 2016: 32-34; Schweller 2011: 285). Для того чтобы инкорпорировать их в существующий либеральный порядок и структуры, рекомендуется усилить правила и институты либерального международного порядка, а также разделить с новыми державами определённые полномочия (Deudney, Ikenberry 2009: 77). Европа и США могут строить с ними отношения на принципах открытости и права (Ikenberry 2010: 509-521), схожий подход отстаивают и другие исследователи (Drezner 2007: 34; Sørensen 2011: 153-155).

Особое внимание в этом контексте уделяется Китаю. Он столь стремительно наращивает мощь, что, по мнению исследователей, представляет собой определённую проблему не только для Запада, но и для других восходящих держав (Beeson, Zeng 2018: 1962-1978), со временем другие государства начнут воспринимать Китай как растущую угрозу своей безопасности (Ikenberry 2008: 23). С Китаем и его примером многие авторы связывают подъём национализма среди развивающихся государств, что выражается в экономической и политиче-

ской сферах, а также в так называемом «кибернационализме» (Modongal 2016). Есть предположение о том, что Китай стремится трансформировать международную систему таким образом, чтобы она, прежде всего, отвечала его интересам (Ikenberry, Parmar, Stokes 2018: 1-5). В то же время по поводу будущего Китая консенсуса нет. Н. де Грааф и Б. ван Апeldoорн полагают, что Китай может как подрывать существующий порядок, так и интегрироваться в него или пытаться создать некое новое транснациональное сообщество с Пекином в главной роли (De Graaff, Van Apeldoorn 2018: 113-131).

Неопределённость позиции восходящих держав по отношению к мировому либеральному порядку, пожалуй, лейтмотив большинства работ по данной теме. По мнению С. Ширма, существует серьёзное расхождение между амбициями растущих держав, включая Индию, Китай, Россию и др., и их реальными возможностями (Schirm 2010: 197-221). С одной стороны, восходящие державы пытаются создать собственные международные институты, конкурирующие с западными – как созданный Китаем в 2014 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Hameiri, Jones 2018: 573-593). С другой стороны, эти институты пока не обрели влияния, сопоставимого с влиянием, например МВФ или Всемирного банка. М. Калер отмечает, что восходящие державы скорее ориентированы не на прямую конкуренцию с институтами либерального мирового порядка, а на умеренные шаги по повышению своего влияния в рамках существующих форумов и организаций, а также на то, чтобы сохранить свою автономию в принятии решений (Kahler 2013: 711-729).

Отметим, что авторы, которые обращаются к теме кризиса мирового либерального порядка, не имеют единого мнения о том, чем именно восходящие державы угрожают либеральному мировому порядку. Исследователи в целом согласны, что восходящие державы оспаривают доминирование Запада. Но чем именно маркируется и в чём проявляется это оспаривание в условиях, когда институциональные сдвиги в международной системе выражены сравнительно слабо? Как мы полагаем, чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к анализу статусной динамики и символических политик восходящих держав.

Статус и символическая политика

Александр Вендт заметил, что государства социально конструируются как антропоморфные сущности, им приписывают стремления, интересы, желания и убеждения (Wendt 1999: 195-197). Идентичность государств, по убеждению А. Вендта, конструируется как в образе «себя», так и в противопоставлении себя другим, а статус является неотъемлемой частью идентичности (Wendt 1999: 227).

Статус является критерием социальной значимости того или иного субъекта международной системы в отношениях с другими (Weber 1978: 87-88), при этом само признание этого статуса исходит от других государств. Иными словами, статус представляет собой совокупные или коллективные представления

о месте того или иного государства в системе международных отношений на основании тех ценностей, которые признаются значимыми (Larson, Wohlforth 2014: 6-10). А для того, чтобы достичь определённого статуса, государство может выбрать один из трёх возможных сценариев: либо отказаться от принятия существующих норм и правил, либо повысить свою значимость в рамках существующей системы путём принятия устоявшихся норм и правил. Или же, наконец, найти качественно новое направление социальной реальности, где государство могло бы играть доминирующую роль (Larson, Shevchenko 2010: 70-75).

Статусная динамика может проявлять себя в международных институтах, однако для нашей темы важнее её символические аспекты. Символическая власть как способность создавать и утверждать определённые социальные категории и в целом картину социального мира (Бурдые 2014: 89) и символическая политика как целенаправленные действия по выстраиванию определённой картины мира тесно связаны с соперничеством по поводу статуса. Фокусируя анализ на символических политиках восходящих держав, мы прослеживаем, как строятся их статусные самопрезентации в отношении других участников международной системы, прежде всего, ведущих западных стран, и как полемика о статусе разворачивается на символическом плане.

Такой подход позволяет анализировать в единой логике сюжеты, которые обычно не объединяются в одном исследовании. Мы рассматриваем символические политики восходящих держав по трём направлениям. Во-первых, мы исследуем их полемику с Западом по повестке международного развития, прослеживая проявления статусной динамики в обсуждавшихся политических разногласиях. Во-вторых, мы оцениваем их участие в программах международной помощи – как доноров и как реципиентов – и выясняем, как они позиционируют себя на условной оси между «развитостью» (благополучные и ответственные члены международной системы, оказывающие помощь менее благополучным) и «отсталостью» (страны, которым не хватает собственных ресурсов для развития). Наконец, в-третьих, мы проверяем их позиционирование по той же оси, изучая их программы научно-технического развития. Мы предполагаем, что такой дизайн исследования позволит увидеть позиции восходящих держав по отношению к либеральному мировому порядку более многомерно, чем если бы мы сосредоточились на каком-либо одном аспекте взаимоотношений Запада и не-Запада.

Международное развитие и международная помощь

Саммит тысячелетия ООН (2000) состоялся в момент неоспоримой гегемонии Запада и торжества глобального либерального порядка. Принятые на саммите «Цели развития тысячелетия» отражали готовность наиболее развитых государств мира оказать помощь менее благополучной части человечества. К целям были отнесены:

- ликвидация нищеты и голода,
- обеспечение всеобщего доступа к получению начального образования,
- гендерное равенство,
- снижение уровня детской смертности,
- борьба с ВИЧ, СПИД и другими заболеваниями,
- вопросы экологии и устойчивого развития окружающей среды и др.⁴

Как можно заметить, этот список носил вполне патерналистский характер. В отличие от подходов, практиковавшихся ООН в годы холодной войны, акцент был сделан не на экономическом росте в развивающихся странах, а непосредственном решении их наиболее острых социальных проблем. В определении повестки также немалую роль играли идеологические предпочтения Запада в виде заботы о гендерном равенстве и окружающей среде.

В 2013 г. была учреждена Открытая рабочая группа ГА ООН по целям устойчивого развития. Она должна была сформулировать планы международного сообщества в этой области до 2030 г. Основные споры были связаны с политическими пунктами повестки. Так, обсуждение Цели №16, связанной с обеспечением мира, вызвала столкновение, стороны которого легко можно было идентифицировать как «Запад» и «Не-Запад». С одной стороны, так называемые «Сторонники верховенства права» (*Friends of the Rule of Law*) стремились продвинуть включение в данный пункт демократическое правление, верховенство права и права человека⁵. С другой стороны, «Группа 77», объединяющая развивающиеся страны, а также Россия и Китай стремились не допустить принятия такой формулировки, напротив, сделав акцент на прекращении иностранной оккупации вместо дальнейшего «развязывания рук» западным государствам. В конечном счёте, Цель 16 стала звучать следующим образом: «*Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчётных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях*».

Вообще, незападные страны указывали на перекося в сторону постконфликтного миростроительства и государственного строительства, под последнее направление выделялось целых 17 задач (Бартенев 2015: 11). Это, во-первых, способствовало политизации повестки международного развития, а, во-вторых, по сути, ставило незападные страны в положение подотчётных Западу, особенно в вопросах демократии, прав человека, верховенства закона, гендерного равенства и проч. К тому же западные страны активно привлекали к дискуссии международные неправительственные организации, наиболее влиятельные из

⁴ Цели развития тысячелетия. Организация Объединённых Наций в Российской Федерации. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/millennium-development-goals> (дата обращения: 12.11.2019).

⁵ Intergovernmental negotiations on the Post-2015 Development agenda. Declaration session. Remarks by Ambassador Martin Sajdik as Coordinator of the Group of Friends of the Rule of Law. 17 to 20 February 2015. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/13022sajdik.pdf> (accessed: 12.11.2019).

которых представляли и поддерживали повестку стран Запада (Ibid.: 11-13), по сути, усиливая его символическую власть.

Позиция незападных стран в дискуссии о целях устойчивого развития содержала в себе два ключевых элемента. Первым был акцент на суверенитете. Суверенитет был и остаётся важным для восходящих держав, поскольку именно государство, его институты и его аппарат выступают для них главным агентом развития. Обсуждение Пекинского (Yao 2015: 1-4; Kennedy 2010: 461-477; Williamson 2012: 1-16; Huang 2010: 31-47) и в меньшей степени Делийского консенсуса (Галищева 2014: 2-8; Брагина 2014: 92-99) как альтернативы Вашингтонскому хорошо это демонстрирует. Если в логике Вашингтонского консенсуса и идейно связанной с ним глобализации агентами развития представляли свободные рынки и транснациональные корпорации, то экономический подъём азиатских держав был связан с целенаправленной политикой государств, напротив, стремящихся сдержать стихию международных рынков, особенно финансовых. Вторым элементом было сопротивление символическому (а значит, и статусному) доминированию Запада. Восходящие державы так последовательно выступают против насыщения повестки международного развития темами демократии и прав человека. Эти темы обеспечивают символическое (по Бурдьё) доминирование Запада над не-Западом, учреждая и легитимируя внешние инстанции оценки незападных государств, что ставит их в международной статусной иерархии ниже ведущих государств Запада.

Таким образом, в полемике по повестке международного развития раскол оказался чётким. Иначе обстоит дело с международной помощью. Первоначально те, кого ныне принято относить к восходящим державам, не исключая и Россию, были реципиентами международной помощи. В начале 2000-х Китай и Индия были среди крупнейших получателей международной помощи (Дегтерёв 2012: 52). Но по мере их быстрого роста это положение менялось. Традиционные доноры, например, Великобритания, с начала 2010-х гг. отказались финансировать крупные государства с бурно развивающимися экономиками и рынками, в том числе Россию, КНР и особенно Индию, куда было вложено порядка 1 млрд фунтов с 2008 по 2012 гг.⁶ Здесь присутствовал и определённый политический расчёт, касающийся лояльности при голосовании в ГА ООН. Поскольку действует принцип «одна страна – один голос», доноры предпочитают оказывать помощь многим маленьким странам, а не одной-двум крупным.

При этом восходящие державы сами начали предоставлять помощь развивающимся странам. Так, страны БРИКС в основном относят к *новым донорам*, западные страны – к *традиционным донорам* (в основном ОЭСР), ряд исследователей в отдельности рассматривают *арабских доноров* (Авалян, Бутова, Дегте-

⁶ UK to end financial aid to India by 2015. *BBC News*. 2012, November 9. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-20265583> (accessed: 12.11.2019).

рѐв ... 2015: 138). Традиционные доноры в целом реализуют оказание помощи, направленной на либерализацию экономик стран-получателей этой помощи. Они в большей степени сконцентрированы на таких вопросах как гендерное равенство, вопросы экологии, постконфликтное урегулирование, верховенство права, доступ к образованию и ряд других вопросов. Среди ценностных ориентиров этих стран можно встретить права женщин и сексуальных меньшинств, толерантность, свободу СМИ, либерализацию экономики, продвижение которых, в конечном счѐте, приводит к ослаблению традиционных ценностей и институтов управления в странах-реципиентах (Дегтерѐв 2012: 54). Что касается искоренения бедности, то данная группа стран с энтузиазмом выступает в поддержку этой инициативы, указывая при этом на то, что данная проблема является тесно связанной с вопросами защиты окружающей среды, ведь её можно успешно решать за счѐт грамотного использования природных ресурсов, особенно возобновляемых источников энергии (Авалян, Бутова, Дегтерѐв ... 2015: 140). Предполагается, что поставлять технологические решения по зелёной энергетике развивающимся странам будут развитые.

Что касается решения социальных и гуманитарных вопросов в рамках повестки глобального развития, продвигаемой западными государствами, стоит отметить, что вектор сместился в сторону глобальных международных фондов, которые проявляют высокую степень активности в отношении подобного рода проблем. Одним из наиболее примечательных фондов является Фонд Билла и Мелинды Гейтс, который занимается вопросами глобального развития в развивающихся странах, в целом коррелирующих с Целями устойчивого развития ООН⁷. Кроме того, существуют такие организации как Институт «Открытое общество» или Фонд Сороса⁸, который поддерживает реализацию программ в области образования, здравоохранения, культуры и искусства⁹; Фонд Уильяма и Флоры Хьюлетт, который примечателен тем, что занимается не только проблемами развития, но и вопросами экологии и окружающей среды, а также сферой кибербезопасности¹⁰; Фонд Форда, который был создан для финансирования программ в поддержку демократии, снижения уровня бедности и продвижения международного сотрудничества¹¹, а также многие другие.¹²

Политика новых доноров, представленных преимущественно государствами «глобального Юга», нацелена на взаимодействие по принципу «Юг – Юг» (Дегтерѐв 2013: 71). Они подчѐркивают необходимость борьбы с бедностью, ис-

⁷ См. подробнее: <https://www.gatesfoundation.org/> (accessed: 12.11.2019).

⁸ Open Society Foundations.

⁹ Salazar N. Top 10 philanthropic foundations: A primer. *Devex*. 2011, August 1. URL: <https://www.devex.com/news/top-10-philanthropic-foundations-a-primer-75508> (accessed: 12.11.2019).

¹⁰ William and Flora Hewlett Foundation. Official website. URL: <https://hewlett.org/> (accessed: 12.11.2019).

¹¹ Ford Foundation. URL: http://nlr.ru/prof/social_funds/fund/19.html (accessed: 12.11.2019).

¹² См., например: Salazar N. Top 10 philanthropic foundations: A primer. *Devex*. 2011, August 1. URL: <https://www.devex.com/news/top-10-philanthropic-foundations-a-primer-75508> (accessed: 12.11.2019).

коренения неравенства, доступа к технологиям, отсутствие которого ведёт за собой неизбежное многократное отставание в развитии. Например, Россия в основном оказывает помощь странам СНГ (Round, Odedokun 2004: 293-309), а также экстренную гуманитарную помощь, как это было в Сирии¹³. Индия оказывает помощь преимущественно странам Юго-Восточной и Южной Азии, в меньшей степени – центральноазиатским республикам и Африке (Дегтерёв 2014: 6). Постепенно помощь начинает оказываться и странам Латинской Америки, а также государствам Центральной Азии (Потапенко 2014: 19-30). Китай в настоящее время выделяет развивающимся странам большее число кредитов, чем Всемирный банк¹⁴.

Однако восходящие державы не отказывались от международной помощи, которая оказывается им самим. Например, Китай стремится привлечь прямые иностранные инвестиции и получить помощь со стороны других государств (Дегтерёв 2014: 6). Позиционируя себя как лидеров развития, способных оказывать помощь «отстающим», Китай и Индия в то же время не исключают, что могут сами получать помощь от более благополучных членов международного сообщества, т. е. от Запада. Во всяком случае, западную помощь они отвергают далеко не так энергично, как претензии Запада на роль оценивающей инстанции.

Восходящие державы перед «большими вызовами»

Ценность понятия «большие вызовы» для нашего анализа определяется его синтетическим характером. Это понятие тесно связано с повесткой международного развития и зародилось в ходе дискуссий на эту тему в ООН. В то же время оно активно применяется в практике отдельных государств и организаций по планированию научно-технического развития. Таким образом, оно сплетает в единое поле как проблематику международного развития, так и социально-экономические стратегии восходящих держав.

Несмотря на то, что изначально тематика «больших вызовов» имела едва ли не гуманитарные основы и/или сильный внешнеполитический акцент, сами «вызовы» и те национальные дискурсы, на базе которых тема развивалась впоследствии, объективно привели к росту значения научно-технологической тематики как отдельного измерения дискуссий о «больших вызовах». Наиболее известны в данном отношении усилия Европейского союза (ЕС), где после интенсивных дискуссий 2009-2012 гг. «большие» социетальные вызовы стали ключевым структурирующим фактором 7-й Рамочной программы по исследо-

¹³ Более 80% гуманитарной помощи от России получила Сирия. *РБК. Экономика*. 26 ноября 2018 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/11/2018/5bf7db229a7947b3fd400634> (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁴ Катасонов В. Китай – на первом месте в мире как международный финансовый донор. *Фонд стратегической культуры. Экономика*. 1 мая 2018 г. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/05/01/china-na-pervom-meste-v-mire-kak-mezhdunarodnyj-finansovyj-donor-46056.html> (дата обращения: 12.11.2019).

ваниям и инновациям «Горизонт 2020» (2014-2020 гг.)¹⁵. Понятие стало активно использоваться в научно-технологическом дискурсе отдельных глобальных неправительственных структур. Особую роль в этом процессе сыграл Фонд Билла и Мелинды Гейтс. В своей речи на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2003 г. бывший глава *Microsoft* Билл Гейтс объявил о запуске новой инициативы Фонда под названием «*Большие вызовы в глобальном здравоохранении*» (“*Grand Challenges in Global Health*”)¹⁶.

Синтетический характер понятия и его широкое распространение позволяют, сравнивая дискурсы восходящих держав о больших вызовах, судить о том, как каждая из них видит себя на оси между «развитостью» и «отсталостью».

В Индии была запущена инициатива «*Большие вызовы: Индия*» (*Grand Challenges India*).¹⁷ Приоритеты сформулированы как снижение материнской и детской смертности и заболеваемости, научно-технические решения для борьбы с инфекционными заболеваниями, для развития сельского хозяйства и решения проблемы продовольствия.

Как и во многих иных странах, использование термина имеет явно выраженные коннотации с научно-технологическим развитием. Вызовы выхода индийской экономики на новый качественный уровень и поддержание высоких темпов экономического роста (7-8%) как одна из целей экономической политики, конкуренция с Китаем, стремительно растущее население определяют интерес к технологическому прорыву.

В индийской трактовке «больших вызовов» научно-технологическое развитие тесно связано с социальным контекстом. Подобный подход получил название «воссоединение науки с населением»¹⁸ или, иначе, «наука для человека» – вместо «человека для науки»¹⁹. Как следствие, немалая часть усилий направлена на решение бытовых проблем низших слоёв населения и весьма утилитарные, небольшие задачи. Одним из проявлений подобного «бытового» подхода является и недавняя инициатива – «*National Grand Challenge Awards for Designing User Friendly Smart Solar Cooking Solutions*».²⁰

¹⁵ The Grand Challenge. The design and societal impact of Horizon 2020. *European Commission. Brussels.* - 2012. URL: http://ec.europa.eu/information_society/newsroom/cf/horizon2020/document.cfm?doc_id=3778; Kuhlmann S., Rip A. The challenge of addressing Grand Challenges: a think piece on how innovation can be driven towards the» Grand Challenges» as defined under the prospective European Union Framework Programme Horizon 2020. 2014. (accessed: 12.11.2019).

¹⁶ Global Grand Challenges. Announcement to Awards: a History of the Grand Challenges. Bill and Melinda Gates Foundation. URL: <https://gcgh.grandchallenges.org/history> (accessed: 12.11.2019).

¹⁷ Grand Challenges India. *BIRAC*. URL: http://www.birac.nic.in/desc_new.php?id=103 (accessed: 12.11.2019).

¹⁸ Dr. Harshvardhan inaugurates the 1st Grand Challenges India (GCI) Meeting. *Department of Science & Technology*. March, 2017. URL: <http://www.dst.gov.in/pressrelease/dr-harshvardhan-inaugurates-1st-grand-challenges-india-gci-meeting> (accessed: 12.11.2019).

¹⁹ MS. Hillary Clinton meets S&T Minister Shri VilasraoDeshmukh both decide to further cooperation in the field of S & T. *Press Information Bureau, Government of India*. May, 2012. URL: <http://pibmumbai.gov.in/scripts/detail.asp?releaseId=E2012PR3233> (accessed: 12.11.2019).

²⁰ National Grand Challenge Awards for Designing User Friendly Smart Solar Cooking Solutions. *Department of Science & Technology*. October, 2018. URL: <http://www.dst.gov.in/callforproposals/national-grand-challenge-awards-designing-user-friendly-smart-solar-cooking> (accessed: 12.11.2019).

Исключительные экономические успехи Китая в последние десятилетия уменьшили для него значимость тех социальных проблем, на которых сосредоточено планирование в Бразилии и Индии. «Большие вызовы» Китай трактует скорее как развитая страна. В стратегических документах Китая определены наиболее важные инновационные направления (эффективное использование минеральных и водных ресурсов, развитие экологических технологий, биотехнологий, аэрокосмической промышленности, авиации, и проч.), исходя из того, какие технологии рассматриваются в качестве жизненно важных для обеспечения экономического роста, социальной стабильности и безопасности страны²¹. Китай стремится выработать эффективный ответ на следующие вызовы: замедление темпов экономики; загрязнение и деградация окружающей среды, в том числе, в контексте продовольственной безопасности; потребность повышения конкурентоспособности национальной продукции; диспропорции социально-экономического развития и старение населения; новые угрозы национальной безопасности. Специализированные документы, в частности план действий «Сделано в Китае 2025» и «Интернет+» которые направлены на обеспечение задачи технологической модернизации и экологизации обрабатывающей промышленности, развития цифровых технологий, повышения системной эффективности экономики КНР²².

Нужно подчеркнуть, что в той мере, в которой «большие вызовы», с которыми сталкиваются восходящие державы, совпадает с повесткой развивающихся стран, Китай и Индия охотно принимают помощь Запада. В 2015 г. Национальный фонд естественных наук Китая подписал с Фондом Билла и Мелинды Гейтс меморандум по реализации программы под названием «Большие вызовы в Китае», в рамках которой выделяется финансирование на ряд научно-исследовательских проектов, иницируемых китайскими предпринимателями²³. Основное внимание в рамках этой программы уделяется таким «большим вызовам» как распространение инфекционных заболеваний, необходимость усиления продовольственной безопасности, повышения эффективности сельского хозяйства, а также другим ключевым проблемам, решение которых может принести пользу нуждающимся людям как в Китае, так и за его пределами. С

²¹ The National Medium- and Long-Term Program for Science and Technology Development (2006- 2020). *The State Council The People's Republic of China*. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/China_2006.pdf (accessed: 12.11.2019).

²² The National Medium- and Long-Term Program for Science and Technology Development (2006- 2020). *The State Council The People's Republic of China*. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/China_2006.pdf (accessed: 12.11.2019); The 13th five-year plan for economic and social development of The People's Republic of China (2016–2020). *Central Committee of the Communist Party of China*. URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf>; Made in China 2025. *The State Council The People's Republic of China*. URL: <http://www.cittadellascienza.it/cina/wp-content/uploads/2017/02/lot-ONE-Made-in-China-2> (accessed: 12.11.2019).

²³ Promoting Chinese innovation. Grand Challenges China Program. *Bill and Melinda Gates Foundation*. URL: <https://www.gatesfoundation.org/Where-We-Work/China-Office/Promoting-Chinese-Innovation/Grand-Challenges-China-Program> (accessed: 12.11.2019).

тем же фондом сотрудничает и Индия²⁴. Другими словами, Индия и, в меньшей степени Китай,

Особняком в этом ряду стоит Россия. До 2014-2015 гг. термин «глобальных вызовов» использовался исключительно во внешней политике, причём почти всегда в рамках отношений с различными международными многосторонними организациями и иными форматами, включая ООН, «Большую восьмёрку», «Большую двадцатку», БРИК(С), в меньшей мере ОДКБ²⁵. Выделялись две трактовки понятия. Одна определяла его в рамках широкой повестки безопасности, связывая «глобальные вызовы» с проблемами международного терроризма, в меньшей мере наркотрафика, позднее также с монополярной политикой США²⁶. Вторая трактовка включала в себя также вопросы глобального изменения климата, в отдельных случаях также бедности и т.п. вопросов – по перечню ООН и иных международных структур²⁷. После мирового финансово-экономического кризиса 2007-2008 гг. к этому перечню добавились риски мировой финансовой системы.²⁸ По сути, оперируя этой трактовкой, Россия играла на поле глобального управления, пытаясь воспринять и продвинуть повестку Запада – этому способствовало её членство в «Большой восьмёрке».

Ситуация существенно изменилась в 2016 г., когда понятие «большие вызовы» стало частью повестки научно-технологического развития России. Это

²⁴ Nature India Special Issue on 'Grand Challenges'. *Springer Nature Limited*. April, 2018. URL: <http://blogs.nature.com/indigenus/2018/04/nature-india-special-issue-on-grand-challenges.html> (accessed: 12.11.2019).

²⁵ Пресс-конференция по итогам встречи глав государств и правительств «Группы восьми». *Президент России. Официальный сайт*. 23 июля 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21497> (дата обращения: 12.11.2019); Страны БРИК едины в подходах к решению глобальных вызовов. *Президент России. Официальный сайт*. 16 апреля 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/7475> (дата обращения: 12.11.2019); Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам саммита «Группы двадцати». *Президент России. Официальный сайт*. 16 ноября 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47027> (дата обращения: 12.11.2019).

²⁶ ОДКБ переходит все границы. *Газета «Коммерсантъ»*. №191. 14 октября 2009 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1255396> (дата обращения: 12.11.2019); Дмитрий Медведев выйдет в лидеры. *Газета «Коммерсантъ»*. №115. 07 июля 2008 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/909615> (дата обращения: 12.11.2019); «Группа двадцати» и глобальные вызовы экономики. Статья Владимира Путина, опубликованная в мексиканской газете «ElUniversal». *Президент России. Официальный сайт*. 18 июня 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15686> (дата обращения: 12.11.2019); Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства Российской Федерации в «Группе восьми». *Президент России. Официальный сайт*. 1 января 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20023> (дата обращения: 12.11.2019); Саммит Россия – Европейский союз завершился принятием пяти основополагающих документов. *Президент России. Официальный сайт*. 3 октября 2001 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/40458> (дата обращения: 12.11.2019); Заявление для прессы по итогам российско-индийских переговоров. *Президент России. Официальный сайт*. 12 ноября 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22203> (дата обращения: 12.11.2019); Владимир Путин поздравил участников 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО с 60-летием со дня создания организации. *Президент России. Официальный сайт*. 11 октября 2005 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/34231> (дата обращения: 12.11.2019).

²⁷ Саммит G8 пошёл на выбросы. *Газета «Коммерсантъ»*. №123. 10 июля 2009 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1201003> (дата обращения: 12.11.2019); Советник Президента Александр Бедрицкий принял участие во второй встрече Группы высокого уровня по глобальной устойчивости. *Президент России. Официальный сайт*. 25 февраля 2011 г. URL: <http://kremlin.ru/events/administration/10471> (дата обращения: 12.11.2019).

²⁸ Дмитрий Медведев выйдет в лидеры. *Газета «Коммерсантъ»*. №115. 07 июля 2008 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/909615> (дата обращения: 12.11.2019); «Группа двадцати» и глобальные вызовы экономики. Статья Владимира Путина, опубликованная в мексиканской газете «ElUniversal». *Президент России. Официальный сайт*. 18 июня 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15686> (дата обращения: 12.11.2019); Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства Российской Федерации в «Группе восьми». *Президент России. Официальный сайт*. 1 января 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20023> (дата обращения: 12.11.2019).

понятие стало ключевым в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642²⁹. В новом контексте смысл понятия претерпел примечательные изменения. Наследие повестки ООН и «Восьмёрки» (окружающая среда, бедность и проч.) было развёрнуто в направлении не глобального, но национального развития: исчерпание возможностей экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации природных ресурсов, продовольственная безопасность страны, возрастание антропогенных нагрузок на природную среду. Понимание «глобальных вызовов» в логике обеспечения безопасности также получило своё отражение. Само понятие «больших вызовов» в новом стратегическом документе определялось через категорию «рисков» (впрочем, в той же фразе упоминались и «возможности»), среди вызовов были названы новые внешние угрозы безопасности России в их связи с внутренними угрозами.

Новое понимание «больших вызовов» отражало важный дискурсивный поворот. Россия отказывалась от попыток стать частью Запада – например, через участие в западной повестке глобального развития в ООН и «Восьмёрке» – и сосредотачивалась на собственном развитии, причём с сильным акцентом на безопасность и суверенитет. Принять в какой-либо форме и степени покровительство со стороны Запада в этой новой логике было невозможно. В отличие от Китая, Индии, Бразилии, которые при определённых условиях готовы принять и принимают помощь Запада, оказываемую в прежнем покровительственном ключе (от развитых – развивающимся), Россия от подобных компромиссов отказывается. Хотя Россия видит себя в ряду других стран БРИКС и разделяет их подходы ко многим международным проблемам, она не склонна считать себя развивающейся страной, предпочитая воспроизводить самописание Советского Союза как «развитого Не-Запада».

Символические политики восходящих держав сложно назвать последовательными. С одной стороны, они отвергают символическое доминирование Запада как оценивающей инстанции. С другой стороны, это отвержение не носит абсолютный характер. При определённых условиях Китай и Индия готовы принимать помощь Запада и сотрудничать с западными институтами, включая крупнейшие международные фонды, символизирующие западное доминирование и патернализм (Фонд Билла и Мелинды Гейтс здесь может служить наиболее ярким примером).

Кроме того, бросается в глаза разность подходов стран БРИКС к получению такого рода помощи. Россия отнеслась бы к получению зарубежной помощи для решения социальных проблем как к свидетельству собственной несостоятель-

²⁹ С текстом документа можно ознакомиться на официальном сайте Президента России: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 12.11.2019).

ности. Китай имеет схожую позицию, однако, хотя и выраженную не настолько жёстко. Для Китая и Индии, такая помощь, в общем, одна из возможных опций и один из удобных, хотя и с оговорками, источников ресурсов для развития. Пока Запад продолжает оказывать помощь развивающимся странам, этой помощью надо воспользоваться. Они при этом оставляют за собой право выбирать, какие именно виды помощи и по каким направлениям хотели бы получить, и скептически смотрят на помощь Запада, которая могла бы поставить под сомнение их суверенитет. В то же время суверенитет для них предстаёт вещью в большей мере инструментальной, чем, к примеру, для России, склонной воспринимать его как экзистенциальное переживание.

Почему же тогда восходящие державы считаются угрозой или разрушителями глобального либерального порядка? Ведь они, по сути, не оспаривают символическое доминирование Запада как развитого и оказывающего покровительство развивающимся.

На наш взгляд, это объясняется тем, что международная помощь и дискуссия о международном развитии перестали работать как механизм символического обмена. Претендуя на получение помощи со стороны Запада, восходящие державы не хотят признавать за ним роль инстанции по их оценке. Пользуясь преимуществами либерального порядка в виде доступа к рынкам, инвестициям, технологиям, они в то же время не «платят» ядру этого порядка признанием его символической гегемонии. Именно в этом и состоит их главный вклад в кризис этого порядка.

С институциональной точки зрения Запад сам «закрывает» глобальный либеральный порядок, пересматривая, например, условия международной торговли, но делает он это, отвечая на символический вызов со стороны восходящих держав. При этом исход спора между «глобалистами» и «националистами» на самом Западе далеко не предreshён. И в той мере, в какой западные политики будут видеть в сохранении глобального либерального порядка ключ к западной гегемонии, восходящие державы смогут и дальше пользоваться его благами на условиях «безбилетников».

Об авторах:

Анна Владимировна Макарычева – кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра экспертизы санкционной политики МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454.
E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru.

Николай Юрьевич Силаев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Иван Владимирович Данилин – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, Москва, 119454; заведующий Отделом науки и инноваций, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. Россия, 117997, Москва, улица Профсоюзная, д.23. E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Александр Дмитриевич Чеков – научный сотрудник Центра европейских исследований, МГИМО МИД России, преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: a.d.chekov@gmail.com.

Эллина Петровна Шавлай – аналитик Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России, аспирант кафедры востоковедения МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: shavlaj.e.p@my.mgimo.ru.

Светлана Андреевна Столярова – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: s.a.stolyarova@gmail.com.

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002).

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: October 10, 2019
Accepted: December 10, 2019

Liberal Order «Free Riders»: International Development Agenda and the Symbolic Policies of the Rising Powers

A.V. Makarycheva, N.Yu. Silaev, I.V. Danilin, A.D. Chekov, E.P. Shavlay, S.A. Stolyarova
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-109-128

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The West is concerned over the crisis of the liberal world order attributing it to the conduct of emerging powers, such as China, India and Russia. Are its concerns legitimate? Drawing on social identity theory, the authors analyze the emerging powers' stances on international development through the lens of status dynamics. In particular, three issue areas are investigated: the debate over the UN development agenda, which has revealed differences between Western and non-Western approaches, the changes in the membership of donor and recipient groups over the last decade and the discourse of emerging countries

concerning science and technology, which betrays their self-image of a “developed” or “laggard” state.

The key finding of the paper is that the crisis of the liberal world order as a set of institutions created by the US-led countries after WWII manifests itself in the distorting symbolic exchange between developed and developing countries. The emerging states are unwilling to recognize the authority of the West and its leadership in setting the direction of global development. Meanwhile, they are trying to gain the status of development front-runners using their own foreign aid programs and science and technology development strategies. However, the rising states are not uniform and consistent in posing a symbolic challenge to the liberal order – while the Russia is striving for a “developed non-western country” status (thereby copying the USSR’s image), India and China, though to different degrees, are positioning themselves both as developed industrial states and as developing countries which receive aid packages from richer members of the international community.

What leads to the distortions in this symbolic exchange is the desire of some emerging powers to use the resources of the West and reap the benefits of the world order created by it while denying it a high status. Thus, a classic economic “free-rider problem” arises in international relations: while benefiting from the liberal order created by the West, the rising states do not recognize the status it ascribes itself ignoring the symbolic hierarchy which, as viewed by western countries, underlies this order.

Key words: rising powers, an alternative to the liberal order, “grand challenges”, crisis of the international order, global development agenda, international assistance, global governance.

About the authors:

Anna V. Makarycheva – PhD in Political Science, Research Assistant at the Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University, Research Assistant at the Center of Sanction Policy Analysis, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru.

Nikolay Yu. Silaev – PhD in History, Senior Research Assistant at the Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University, Leading Research Assistant at the Center of Caucasus and Regional Security Studies, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Ivan V. Danilin – PhD in Political Science, Senior Research Assistant at the Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454; Head of Department for Science and Innovation at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Alexandr D. Chekov – Research Assistant at the Center of European Studies, MGIMO-University; Lecturer at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: a.d.chekov@gmail.com.

Ellina P. Shavlay – Analyst at the Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University; PhD student at the Department of Oriental Studies, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: shavlaj.e.p@my.mgimo.ru.

Svetlana A. Stolyarova – PhD student at the Department of World Politics, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: s.a.stolyarova@gmail.com.

Acknowledgements:

The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement number 14.461.31.0002).

The conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interest.

References:

- Acharya A. 2017. After liberal hegemony: The Advent of a Multiplex World Order. *Ethics & International Affairs*. 31(3). P. 271-285.
- Barma N., Ratner E., Weber S. 2013. The Mythical Liberal Order. *The National Interest*. No. 124. P. 56-67.
- Beeson M., Zeng J. 2018. The BRICS and Global Governance: China's Contradictory Role. *Third World Quarterly*. 39(10). P. 1962-1978.
- Biscop S. 2016. *The European Union and Emerging Powers in the 21st Century: how Europe Can Shape a New Global Order*. Routledge.
- De Graaff N., Van Apeldoorn B. 2018. US – China Relations and the Liberal World Order: Contending Elites, Colliding Visions? *International Affairs*. 94(1). P. 113-131.
- Deudney D., Ikenberry G.J. 2009. The Myth of the Autocratic Revival-Why Liberal Democracy Will Prevail. *Foreign Affairs*. 88(1). P. 77-93.
- Dombrowski P., Reich S. 2017. Does Donald Trump Have a Grand Strategy? *International Affairs*. 93(5). P. 1013-1037.
- Drezner D. W. 2007. The New New World Order. *Foreign Affairs*. 86(2). P. 34-46.
- Duncombe C., Dunne T. 2018. After Liberal World Order. *International Affairs*. 94(1). P. 25-42.
- Flockhart T. et al. 2014. *Liberal Order in a Post-Western World*. Washington, DC: Transatlantic Academy.
- Hameiri S., Jones L. 2018. China Challenges Global Governance? Chinese International Development Finance and the AIIB. *International Affairs*. 94(3). P. 573-593.
- Huang Y. 2010. Debating China's Economic Growth: The Beijing Consensus or the Washington Consensus. *Academy of Management Perspectives*. 24(2). P. 31-47.
- Ikenberry G.J. 2008. The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? *Foreign Affairs*. 87(1). P. 23-37.
- Ikenberry G.J. 2009. Liberal Internationalism 3.0: America and the Dilemmas of Liberal World Order. *Perspectives on Politics*. 7(1). P. 71-87.
- Ikenberry G.J. 2011. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton University Press.
- Ikenberry G.J. 2011a. The Future of the Liberal World Order: Internationalism after America. *Foreign Affairs*. 90(3). P. 56-62.
- Ikenberry G. J., Parmar I., Stokes D. 2018. Introduction: Ordering the World? Liberal Internationalism in Theory and Practice. *International Affairs*. 94(1). P. 1-5.
- Kahler M. 2013. Rising Powers and Global Governance: Negotiating Change in a Resilient Status Quo. *International Affairs*. 89(3). P. 711-729.
- Kaufman J.P. 2017. The US Perspective on NATO under Trump: Lessons of the Past and Prospects for the Future. *International Affairs*. 93(2). P. 251-266.
- Kennedy S. 2010. The Myth of the Beijing Consensus. *Journal of Contemporary China*. 19(65). P. 461-477.

- Larson D. W., Shevchenko A. 2010. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy. *International Security*. 34(4). P. 63-95.
- Larson D. W., Paul T. V., Wohlforth W. C. 2014. Status and World Order In *Status in World Politics*. Cambridge University Press. P. 3-29.
- Lesage D. 2015. *Rising Powers and Multilateral Institutions*. Palgrave Macmillan UK.
- Mearsheimer J. J. 2019. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security*. 43(4). P. 7-50.
- Mearsheimer J. J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. WW Norton & Company.
- Modongal S. 2016. Development of nationalism in China. *Cogent Social Sciences*. No. 2: 1235749. DOI: 10.1080/23311886.2016.1235749
- Nye Jr J. S. 2017. Will the Liberal Order Survive: The History of an Idea. *Foreign Affairs*. 96(1). P. 10-16.
- Patrick S. 2010. Irresponsible Stakeholders? The Difficulty of Integrating Rising Powers. *Foreign Affairs*. 89(6). P. 44-53.
- Round J., Odedokun M. 2004. Aid Effort and its Determinants. *International Review of Economics and Finance*. No. 13. P. 293-309.
- Schirm S. A. 2010. Leaders in Need of Followers: Emerging Powers in Global Governance. *European Journal of International Relations*. 16(2). P. 197-221.
- Schweller R. 2011. Emerging powers in an age of disorder. *Global governance*. Vol.17. P. 285-297. DOI: 10.1163/19426720-01703002
- Stephen M.D. 2017. Emerging Powers and Emerging Trends in Global Governance. *Global Governance*. 23(3). P. 483-502. DOI: 10.1163/19426720-02303009
- Stephen M. D. 2014. Rising powers, global capitalism and liberal global governance: A historical materialist account of the BRICs challenge. *European journal of international relations*. Vol. 20, No. 4. Pp. 912-938.
- Stephen M. D., Zürn M. (ed.). 2019. *Contested World Orders: Rising Powers, Non-Governmental Organizations, and the Politics of Authority Beyond the Nation-State*. Oxford University Press.
- Stokes D. 2018. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order. *International Affairs*. 94(1). P. 133-150.
- Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. University of California Press.
- Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press.
- Williamson J. 2012. Is the "Beijing Consensus" Now Dominant? *Asia Policy*. No. 13. P. 1-16.
- Yao Y. 2015. *Beijing Consensus. The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism*. P. 1-4.
- Zakaria F. 2008. *The Post-American World*. New York.
- Avaljan G.A. et al. 2015. Konsul'tativnyj process po vyrabotke celej ustojchivogo razvitija: v poiskah global'nyh podhodov. [Sustainable Development Goals Consultative Process: Looking for Global Approaches]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 4. P.132-146. (In Russian)
- Bartenev V. I. 2015. Formirovanie global'noj povestki dnja v sfere ustojchivogo razvitija posle 2015 goda. [Shaping the Global Sustainable Development Agenda after 2015] *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 10(3). P. 7-32. (In Russian)
- Bragina E. A. 2014. Vneshnejekonomicheskaja politika kak faktor innovacionnogo rosta [Foreign Economic Policy as a Factor of Innovative Growth] *Mirovaja jekonomika i mezhdun-*

arodnye otnosheniya. No. 2. P. 92-99. (In Russian)

Galishheva N.V. 2014. «Делийский консенсус» – индийская модель либерализации экономики [«Delhi Consensus» – The Indian Model of Economic Liberalization] *Azija i Afrika segodnja*. No. 3. P. 2-8. (In Russian)

Degterev D.A. 2014. Rossijskaja politika v sfere sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiyu: kontury partnerstva so stranami BRIKS [Russian Policy in the Field of International Development Assistance: the Outlines of Partnership with the BRICS Countries] *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya*. №. 1. P. 5-12. (In Russian).

Degterev D.A. 2013. Rossijskaja Federacija kak novyj mezhdunarodnyj donor: dilemmy identičnosti [Russian Federation as a New International Donor: Identity Dilemmas] *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja ekonomika*. 8(2). P. 69-85. (In Russian).

Degterev D.A. 2012. Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument prodvizenija vneshnepoliticheskikh i vneshnejekonomičeskikh interesov [Assistance to International Development as a Tool for Promoting Foreign Policy and Foreign Economic Interests]. *MGIMO Review of International Relations*. №. 2. Pp. 47-57. (In Russian).

Potapenko M.V. 2014. KNR kak novyj mezhdunarodnyj donor: osobennosti politiki sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiyu [China as a New International Donor: Features of the Policy of Promoting International Development] *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya*. №. 1. P. 19-30. (In Russian).

Литература на русском языке:

Авалян Г. А. и др. 2015. Консультативный процесс по выработке целей устойчивого развития: в поисках глобальных подходов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. №. 4. С. 132-146.

Бартенев В. И. 2015. Формирование глобальной повестки дня в сфере устойчивого развития после 2015 года. *Вестник международных организаций*. 10(3). С. 7-32.

Брагина Е. А. 2014. Внешнеэкономическая политика как фактор инновационного роста. *Мировая экономика и международные отношения*. №. 2. С. 92-99.

Галищева Н. В. 2014. «Делийский консенсус» – индийская модель либерализации экономики. *Азия и Африка сегодня*. №3. С. 2-8.

Дегтерёв Д. А. 2012. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. *Вестник МГИМО-Университета*. №. 2. С. 47-57.

Дегтерёв Д. А. 2014. Российская политика в сфере содействия международному развитию: контуры партнёрства со странами БРИКС. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 1. С. 5-12.

Дегтерёв Д. А. 2013. Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. Т. 8. №. 2. С. 69-85.

Потапенко М. В. 2014. КНР как новый международный донор: особенности политики содействия международному развитию. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. №. 1. С. 19-30.

Бурдые П. 2007. *Социология социального пространства*. Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 288 с.